

Ослиный тормоз

Притаилась, стало быть, наша головная колона в Альпах в непроходимом ущелье. Капказ не Капказ, а горы этак с полтора Ивана-Великого. Облака, которые потяжелее, поверху цыпаются, ни назад, ни вперед. Водопадина сбоку шумит. Чего ж ей, дуре, больше делать? Суворов фельдмаршал само собой в передовой части. Пока вторая бригада в далекий обход поднебесным путем пошла, чтобы французу в зад трахнуть, надо было переждать. А что ущелье непроходимое, Суворову через правый рукав наплевать. Потому прочие начальники - генералы, а он - генералиссимус, никаких препятствий не признавал. Где, говорит, древесный муравей проползет, где орел прочертит, там и мои чудо-богатыри ползком-швырком взойдут, скатятся. Дыхания хватит, а не хватит, у себя же и займем.

Сидят это солдатики под скалами, притихли, как жуки в сене. Не чухнут. За прикрытием кое-где костры развели, заслон велик, не видно, не слышно. Хлебные корочки на штыках поджаривают, чечевицу энту проклятую в котелках варят. Потому австрийские союзнички наш обоз с гречневой крупой переняли, своим бабам гусей кормить послали. Сволота они были, не приведи Бог! А нам своей чечевицы подсунули, - час пыхтит, час кипит, - отшельник, к примеру, небрезгающий, и тот есть не станет. Дерьмовый провиант!..

Ходит Суворов-князь по рядам, кому кусок леденца из специального кармана ткнет, - "Соси за мое здоровье!" Кого по лядунке хлопнет, пошутит: "Знаешь меня, кто я таков?".

- Как же нам своего отца не знать! Вас, Ваше Сиятельство, по всей Рассей последний черемис и тот знает...

- А может, я вражеский шпиен, под Суворова подзаделался... Ась? Что же ты, - спорынья в квашне, сто рублей в мошне, - как зуй на болоте, нос вытянул? Стой не шатайся, говори не заикайся, ври не завирайся!

- Разве ж шпиен так по-русски чесать может?.. Да и по глазам кто ж Ваше Сиятельство сразу не признает...

- Какие такие у меня глаза? Один плачет, другой дремлет, третий за всех вас не спит.

- Такие глаза, будь здоров во веки веков, - отвечает чудо-богатырь, - что прикажи мне чичас, батюшка, чтоб я самого себя на шомпол насадил и в костре изжарил, - и глазом не моргну!

Ухмыльнулся Суворов в сухой кулачок, трех свой поперек передвинул.

- Уж ты, сват, лучше не зажаривайся! Авось и живьем пригодишься.

Обошел линию, посты проверил, задумался. Адъютант любимый ему чичас табакерку на ладошке поднес для прояснения мыслей. Чихнул Суворов, эхо ему за горой:

"Будьте здоровы-с!" Рассмеялся старик: "Обоз в порядке?" - "Так точно, за вашим шатром расположившись".

А тут лунный месяц из-за гребешков альпийских выплыл, снежинки перепархивают, будто белые мотыльки в синьке кипят. Одним словом, красота. Ветер на буйных крылах за гору перемахнул, над хребтом грохочет, в ущелье не достигает. Солдат, значит, не подморозит. Перекрестил Суворов адъютантову голову - "Ступай спать, Христос с тобой!" И пошел к себе в киргизский шатер, что всегда за им в обозе возили.

Отвернул вестовой Сундуков кошму, тихим голосом рапортует:

- Зайчиху я тутошнюю в силок поймал. Жирная, не уколупнешь! С каких харчей она тут в горах раздобрела, Господь ее знает.

- Ну что ж, - говорит князь Суворов. - И женись на своей зайчихе. Меня в посаженные отцы позовешь.

- Никак невозможно, Ваше Сиятельство, потому я ее зажарил, аржаной корочкой наштиговал. Окажите божескую милость, погрызите хоть лапку. Силы вам, батюшка, беречь надо, а вы, можно сказать, одним сквозным воздухом изволите питаться.

Принахмурился Суворов, сальную свечку поднял, морду вестовому осветил.

- Смотри, Васька!.. Загадки гадки, а отгадки с души прут. Я раз в году сержусь, да крепко. Ты что ж поведения моего не знаешь? Турок ты, что ли?

- Лайтесь, не лайтесь, Ваше Сиятельство! Хоть жареным зайцем меня по скуле отхлещите, только извольте скушать.

- Эх ты, Васька! Семь в тебе душ, да не в одной пути нет. Даром, что при мне состоишь... Когда ж я своих солдат по скуле хлестал? Хоть в нитку избожись, не поверю! Я свою солдатскую порцию чечевички съел, сладкая, брат, пища!

Австрийцы хвалят, - с нее они такие и храбрые... А жаркое сам съешь, я тебе повелеваю.

Взял Сундуков зайца за задние лапки, сало с него так и каплет, прямо сердце зашлось. Вышел на мороз, и первый раз за всю службу приказания самого Суворова не сполнил: кликнул обозную собачку и шваркнул ей зайца: - "Жри, чтоб тебя адским огнем попало!"

Собачка, само собой, грамотная: хряп-хряп, только и разговору. Посмотрел Сундуков, слезы так бисерным горохом и катятся, к штанам примерзают. Махнул рукой и сел на мерзлый камень звезды считать: какие русские, какие французские...

Тут-то, братцы мои, и началось. Сидит Суворов, горные планты рассматривает, - храбрость храбростью, а без ума бобра не убьешь. И вдруг музыка: ослы энти обозные как заголосят - заревут - зарыдают: будто пьяные чер-ги на, волынках наяривают... Да все гуще и пуще! Обозные собачки подхватили в голос, с перебоями, все выше и выше забирают, словно кишки из них через глотку тянут. Стукнул Суворов походным подстаканником по походному столику, летит Сундуков, в свечу вытянулся.

- Что там за светопреставление? Ведьма, что ли, бешеного быка рожает?

- Никак нет!.. Ослы поют. Погонщик через переводчика сказывает, будто они завсегда в полнолунную ночь в восторг приходят, кто кого перекричит. Занятие себе такое придумали, Ваше Сиятельство...

- Ишь ты, скажи на милость. А у меня, сват, свое занятие: соснуть на часок надо, тоже и я не двужилый. Дай-ка пакли из тюфячка, уши заткнуть.

Покрутил Сундуков головой... Ах ты, Царица Небесная! Ужели русскому генералиссимусу из-за такой последней твари не спать?.. Ишь, как притомился!

Паклю подал, вздохнул и на мелких цыпочках прочь вышел.

Да разве ж против ослиной команды пакля действует? Месяц встал выше, сияние на полную небесную дистанцию, ослы-стервы только в силу вошли, будто басы-геликоны мехами раздувают, да с верхним подхватцем...

Тетку твою поперек! Сел Суворов на койку, щуплые ножки свесил, сплюнул. Под пушечный гром спал, под небесный спал, а тут - хочь воском уши залей, не всхрапнешь. Чего делать? Приказать им в мешки морды завязать? За что ж тварь мучить, погонщика обижать... Поколеют, не солдат же в дышла

впрягать. И животная полезная, из жил тянется, в гору ли, с горы ли, - ей наплевать. Соломы дадут - схрюпает, не дадут - солдатскую пуговку пососет. Экая оказия!.. Спасибо Создателю, ветер над рекой ревет, ослов заглушает. А то бы беда, враг близко...

Вынырнул тихим манером Сундуков из кошмы, стоит, искоса на начальника любимого смотрит. Шагнул ближе, в свечу вытянулся.

- Не извольте. Ваше Сиятельство, беспокоиться, чичас они замолчат.

- А ты что ж, с обоих концов их соломой заткнешь?

- Никак нет! Голос у них такой, никакая солома не удержит.

- Как же так они, сват, замолчат? Они ж только во вкус вошли - ишь как наддают, хоть в присядку пляши.

- Не извольте беспокоиться. Чичас полную тишину Вашему Сиятельству предоставляю.

Ушел вестовой. И что ж, братцы, как по отделениям, в одном конце закупорило, в другом... Чуть последний осел сверчком рипнул и - стоп.

Вынул Суворов паклю, прислушался: ни гу-гу. Ухмыльнулся он, походную думку-подушку поправил, плащем ножки прикрыл и, как малое дитё, ручку под голову, - засвистал-захрапел, словно шмель в бутылке. Какой ни герой, а и сам Илья Муромец, надо полагать, сонный отдых имел.

Утречком, чуть серый день наступил, по горам-скалам до ущелья дотянулся, скочил князь Суворов, сухарик пососал, вестового кликнул. Ледяной воды в рот набрал, в ладони прыснул, ночную муть с личика смыл и спрашивает:

- Что ж, Василий Панкратыч, ослиный капельмейстер... Как же ты их, свет, ночью угомонил? Ась? Шаман ты сибирский, что ли?

- Никак нет! А как при лунном сиянии позицию их мне разглядеть потрафилось, заметил я, что ежели он, стерва-осел, рыдает, в восторг входит, чичас он хвост кверху штыком... Нипочем иначе не может. Такой у него, Ваше Сиятельство, стало быть, механизм. Ну, тут уж штука нехитрая: по камешку я им к хвостам вроде тормоза подвязал, они и примолкли...

Рассмеялся Суворов звонко, так личико морщинками и залучилось.

- Ах ты, ослиный министр, чертушка, милый человек! Расскажу вот австрийцам, утиным головам, пусть с зависти полопаются. Разве ж им, козодоям, за русской смекалкой угнаться! Ась? Утешил ты меня по самое

горлышко. Чем же мне тебя, сват, наградить? Проси чего хочешь, поднатужься, - ежели только власти моей хватит, честное слово, не откажу... Ну!

Вестовой Сундуков ослабился, а сам руку за спину завел.

- Так точно, Ваше Сиятельство! Награждение мое в вашей полной власти, действительно. Вчерась ночью второй заяц в силочку попался, - заяц ничего, форменный. Не спал я, для вас изжарил, старался, авось смилуетесь. Будьте отцом родным, наградите вашего верного слугу, извольте откусать!

И зайца из-за спины вытаскивает.

Насупился было Суворов, посмотрел на вестового и оттаял.

- Хитрый ты, Васька, до невозможности! У лисы ухо срежешь, да ей же и скормишь... Счастье твое, слово дал, солдатское слово не олово. Давай, сват, походную вилку-ножик. Только чур, половина мне, половина тебе. А то три дня разговаривать с тобой не буду... Согласен?

- Так точно, согласен.

Насупился было и Сундуков, да что ж поделаешь.

А ослам приказал князь Суворов по гарнцу чечевицы выдать за то, что им ночью ради чужого русского старика лунный восторг перешибли.